

Вадим Голубев

Цена измены

Детектив

Вадим Голубев

Цена измены. Детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19425034

ISBN 9785448301834

Аннотация

Многие люди старшего поколения, вспоминая об СССР, вздыхают: «Ах, какую страну мы потеряли!». Решил ответить им диалогией «В объятиях мафии». Хотя речь в ней идет о рубеже 1980—90-х годов, практически все имеет место и в наши дни. Разве что цены другие. Именно в этот период люди стали предавать свои убеждения, мужья – жен, жены – мужей, чиновники народ. В книге все, что должно быть в детективе: погони, стрельба, трупы, драки. Эротика пришлось убрать. Читайте! Уверяю, будет интересно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Цена измены
Детектив
Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Серо-белая зима повисла над городом Р... Асфальтового цвета тучи, сомкнувшиеся над ним, извергали струи снега, который крупными грязными хлопьями покрывал крыши домов, тротуары и мостовые. Через пару часов снег таял, превращался в черную воду, стекавшую в темно-серые волны омывавшей город реки. Тогда небо снова спускало на Р... потоки снега. Лишь изредка прилетавший с моря ветер разрывал покрывало туч. Сквозь дыры между ними пробивались солнечные лучи, играя на позеленевших от времени шпилях католических соборов, золотых куполах православных храмов, стенах недавно отреставрированных домов. В эти минуты золотом окрашивались висевшие над городом облака, золотистые блики скользили по реке. Всего несколько минут длилось оживление красок и угасало на несколько дней, а то и недель.

Мало кто обращал внимание на эти проблески жизни. Люди, в большинстве своем, одетые в пальто темных тонов, опустив лица зеленовато-бледного цвета, спешили на работу или с нее в неуют советских квартир. Одна мысль двигала ими: пережить зиму. Все ждали весны с ее теплыми ветрами с моря, буйства сирени всех мыслимых оттенков в парках и пригородных садах, красными озерами тюльпанов в скверах. Летом становилось еще лучше. Можно было выезжать

на взморье и жариться на солнышке в белопесчаных дюнах, совершать многокилометровые прогулки по берегу моря, купаться, если позволяла капризная погода. Более состоятельная публика – официанты, бармены, директора магазинов и продавцы, врачи, промышлявшие установкой золотых зубов или анонимным лечением венерических болезней, игло- и психотерапией – могла позволить себе большее. К ее услугам были яхты, водные лыжи, теннисные корты, сауны с массажем, разбросанные по побережью. Этими же удовольствиями пользовались партийные работники. Для них, официально не имевших больших доходов такие услуги предоставлялись бесплатно и с более высоким уровнем обслуживания. В тишине горкомовских дач (особняков, некогда принадлежавших очень богатым людям) решались вопросы развития Р... и прилегавшей к нему территории, судьбы работников различных рангов и многое другое.

Раздолье было и в окрестных лесах, изобиловавших грибами и ягодами, на небольших реках и озерах, полных раков и рыбы. Для богатых людей существовала также охота на боровую и болотную дичь, лосей. Партийные работники, кроме того, имели право бить косуль и фазанов в специальных заповедниках.

Шумно и красочно становилось летом в Р... и на находившемся в двадцати минутах езды от него на электричке взморье. Оживали рестораны ресторанчики, бары, кафе. Каждое из этих заведений имело свое лицо, свой музыкальный ан-

самбль, своих солистов и своих посетителей. Наведывались в город также артистические знаменитости и иностранные гастролеры. Кипели торги на городской толкучке, где сбывались товары со всего мира, по тем или иным причинам не попавшие в комиссионные магазины. Словом, все ждали наступления весны, а за ним лета. Все берегли энергию для этих времен года. Зимой же народ предпочитал отсиживаться у телевизоров, лишь изредка посещая рестораны и еще реже – театры.

В один из таких серых зимних вечеров Лех вернулся домой радостно возбужденный. Рано оставшийся без отца и матери Лех сам пробивал себе дорогу в жизни. Ненавидевший с детства любую учебу он все же окончил институт, получив диплом инженера. Немного покрутился на заводе. Не понравилось: зарплата нищенская, а труд каторжный. Перешел в автосервис. Там все было неплохо: и заработки хорошие, и свободного времени много, и все к тебе с поклоном. Не нравилось Леху, что надо было воровать. Воровать нагло, беззастенчиво и цинично. Воровали у государства запчасти, краску и смазочные масла. Воровали у клиентов детали машин, пригнанных на ремонт. Все это любо втридорога на черных рынках у автомагазинов, либо выдавалось за свое и ставилось на ремонтируемых автомобилях за тройную плату. Платили все. Никто не жаловался, поскольку отремонтировать машину можно было только через государственный автосервис. Зато когда внезапно приходила про-

верка из ОБХСС, арестовывали половину работников этой конторы. Все арестованные являлись рядовыми сотрудниками. Власть державшие не были заинтересованы в устранении руководителей автосервиса, каждый из которых нажил многомиллионное состояние и исправно платил дань партийным и государственным чиновникам. Проверки с последующими арестами «мелочи» предназначались для устрашения воротил перед очередным увеличением суммы поборов. В таких случаях милиция «обнаруживала» небольшую группу расхитителей социалистической собственности. Члены этой группы брали на себя всю вину за воровство и после скорого суда отбывали в «места не столь отдаленные». «Мелочь» знала, что суд дал ей минимальные сроки, а за каждый месяц, проведенный в местах лишения свободы, платят двести рублей на брата (*здесь и далее приводятся цены 1989 года – автор*), и что, не отсидев даже половины положенного, все осужденные выйдут на свободу. Ну а руководители автосервиса, поматерив власти, приплюсовывали к ежегодно уплачиваемой взятке двадцать тысяч рублей. После этого проводили суд, и «мелочь» шла по этапу. Все были довольны. Партийные власти тем, что не только выжали деньги, но «поставили на место» зарвавшихся дельцов. Магнаты из автосервиса тем, что их оставили в покое. Милиция и прокуратура тем, что раскрыли еще одно преступление. А «мелочь»? Ее никто не спрашивал, довольна ли она? Ей просто платили.

Это и не нравилось Леху. Сидеть в тюрьме за дядь, ко-

торые даже руки ему не подавали, не хотелось. Подкопив денег, и купив по дешевке новенькие «Жигули», списанные как не подлежащие восстановлению после аварии, он ушел из автосервиса. Оказалось, что уход был весьма своевременным. Пришедшая через месяц после его увольнения проверка вскрыла очередные факты хищений. Всех коллег Леха арестовали. Сгрести и Герку, друга Леха по институту, устроившего его в автосервис. Герка нарушил правила игры, начав давать показания против руководителей конторы. Может быть, это тоже спасло Леха. Дело приняло нетрадиционный оборот. И партийным воротилам, и воротилам из автосервиса срочно потребовалось дело закончить. Герку посадили в «напряжку» – камеру, где сидят отличающиеся жестокостью преступники, которые «напрягают» (притесняют) вновь прибывших. На следующее утро изнасилованного и задушенного Герку нашли под нарами. Остальные его коллеги написали показания, продиктованные им следователями. Быстро провели суд, не привлекая свидетелей со стороны, не трогая ранее работавших в автосервисе.

Лех же пошел в фотографии и полтора года проработал на этом поприще. Здесь была полная свобода. Отсутствовало начальство и какие-либо контролеры. Летом все дни Лех проводил на взморье. Бронзовый от загара, в одних шортах и панаме, он фотографировал приехавших со всех концов Советского Союза отдыхающих на фоне ресторана, напоминавшего устремившийся в море корабль. Однако если вес-

ной и летом заработки были высоки, то в «мертвый сезон» – зимой и осенью Лех перебивался съемками свадеб и юбилеев, получая сто – сто пятьдесят рублей в месяц.

Привыкшего жить на широкую ногу Леха это не устраивало. Поэтому, когда подвернулась работа официанта в фешенебельном ресторане на взморье, посещаемом во все времена года, состоятельной публикой, Лех, не задумываясь, продал «Жигули» и уплатил за место взятку в несколько тысяч рублей. Через год у него уже была «Альфа-Ромео». За машиной последовали яхта, гоночный катер, дача на взморье в непрестижном, но живописном месте. При всех тратах около сорока тысяч рублей осело на его счете. Гулявшие в ресторане преуспевающие художники и композиторы, писатели и поэты скульпторы и журналисты не могли даже представить сколько имеет этот скользкий по залу тридцатилетний мужчина с внешностью ученого, в очках, темно-зеленом бархатном костюме, такого же цвета бабочке на белоснежной сорочке и шелковых белых перчатках. Не могли они и представить, что, не смотря на огромные чаевые, их нещадно обчитывают. Даже в голову не могло прийти кому-то из гулявшей в заведении компании, что ей подают опивки, слитые в бутылки из-под дорогого коньяка, а чудодей-повар искусно перерабатывает оставшиеся со вчерашнего дня объедки.

Может быть, и работал бы Лех официантом, живя в свое удовольствие, если бы не горбачевская перестройка, разрешившая предпринимательство в виде кооперативов. Перед

Лехом, как и перед многими предприимчивыми людьми, открылись широкие возможности вложения капиталов. Независимо от того, каким путем были заработаны деньги, после вложения их в кооператив они становились заработанными честным трудом. Многое из того, что раньше запрещалось законом, теперь не только разрешалось, но и приветствовалось. Средства, которые раньше прокучивались или лежали в тайниках (прокутить все было невозможно), теперь можно было вкладывать в производство, торговлю, сервис, получая от этого прибыль. Стало бессмысленным обращать тысячи рублей в никогда не читаемые книги, никогда не одеваемые ювелирные украшения, некогда не используемые в обиходе вещи. Новое направление в экономической политике вернуло к жизни ранее дремавшие триллиарды мозговых клеток не только работников торговли, официантов, таксистов, но также инженеров, врачей, юристов и многих других. Тысячи людей в Р... и окрестностях пришли в движение, тысячи идей реальных и утопических были выдвинуты ими. Началась регистрация создаваемых ими кооперативов.

Решил попробовать свои силы и Лех. В три дня он сформировал команду таких же, как он ребят: официантов, парикмахеров, водителей такси. В исполкоме они нашли юриста, за двести рублей подготовившего все необходимые документы. Поскольку наиболее деятельным из всей компании был Лех, его избрали председателем. Кроме того, он лично был знаком кое с кем из партийных работников и исполко-

мовских деятелей, иногда посещавших его ресторан. Знал Лех и Яшку. Так за глаза называли заместителя заведующего отделом торговли в горкоме партии. Теперь Яшка стал начальником недавно созданного в горисполкоме отдела кооперативов. Яшка давал разрешения на открытие кооперативов, оформлял их уставы, ведал вопросами выделения кооператорам производственных площадей. Яшка мог помочь сырьем и оборудованием, мог вывести на выгодных клиентов, мог... еще очень многое. К нему и направился Лех. Яшка временами пользовался его услугами. Это случилось, когда кому из родственников или друзей чиновника надо было отметить юбилей, отпраздновать свадьбу сына или дочери. Все знали, что Яшку не проведешь. Поэтому в таких случаях к столу подавались доброкачественные продукты и напитки. Доставались французский коньяк, английские виски и джин, подаваемые за двойную плату только наиболее почитаемым посетителям. С яшкиных близких ничего лишнего не брали. Яшка, в свою очередь, тоже помогал ресторану. Он пресекал хождение туда милиционеров, вымогавших бесплатную выпивку. Плановые ревизии проходили в два-три дня и не выявляли никаких нарушений. Забыли в ресторане, что такое проверки ОБХСС и инспекции по торговле.

– Привет, Лех! – блеснул золотыми челюстями Яшка. – Вижу, ты тоже надумал свое дело открыть. Правильно! Давай, посмотрим твои бумаги.

Лех разложил перед Яшкой документы. К удивлению Ле-

ха чиновник не стал вчитываться ни в устав кооператива, ни в другие бумаги. Зато он внимательно изучил список членов кооператива, что-то подсчитывая в уме.

– Как скоро можно ожидать решение по нашему вопросу? – рискнул спросить Лех.

– Мы же находимся не в дикой России, а в национальной республике, славящейся европейскими традициями. Оставляй документы, решим вопрос в три дня. И бумаги оформим, и счет в банке откроем, и печати сделаем, и помещение подберем и сырьем поможем.

– Даже не верится! Прямо как в сказке! – удивился Лех.

– Еще раз повторяю, что мы не в России. Это там кооператоры тыкаются как слепые котята в стены и получают только издевательства и оскорбления. Там им никто не помогает! Мы же все заботы берем на себя. Вам надо только прийти и начать работать. Но ты – деловой человек и понимаешь, что все это не просто так...

– Сколько? – спросил Лех.

– Вам это будет стоить двадцать пять тысяч.

– Многовато... – заныл, было, Лех.

– Почему многовато? Десять процентов с капитала каждого пайщика. У тебя на сберкнижке сорок тысяч. Значит, с тебя четыре тысячи. У Валдиса тридцать пять тысяч, с него – три с половиной, – далее Яшка с точностью до рубля назвал капиталы остальных пайщиков.

– Хорошая у вас информация, – Лех изумленно посмот-

рел на Яшку.

– Мы должны знать людей, живущих в нашем городе. Мы наблюдаем за тобой с тех пор, как ты поступил на работу в автосервис. Оттуда ты ушел весьма своевременно, весьма... У нас полнейшая информация о всех кооператорах. С вас, со своих, мы берем немного. Грузины и армяне за эти же услуги дают нам в три-четыре раза больше. Впрочем, если не хотите – не надо! В городе уже зарегистрировано двести пятьдесят восемь кооперативов. Мы всегда можем прекратить их регистрацию. Ведь когда слишком много кооперативов – тоже нехорошо...

– Надо, Яков Алексеевич, надо! – заерзал на стуле Лех.

– Если надо, то завтра деньги, послезавтра – бумаги, и начинай работать! Да есть у меня еще пайщики. Муж и жена Нудиньши. Они согласны внести в кооператив двести тысяч. Их, сейчас, при сборе денег учитывать не будем. Сколько положено, они уже внесли.

– Но как ребята отнесутся к Нудиньшам? Мы их не знаем...

– Ребята должны поддержать! Это – одно из условий открытия кооператива.

Пайщики матюкнулись, услышав яшкины условия («Сколько, гад, тянул с нас, но все ему мало!»), и собрали требуемую сумму. Через день сияющий Лех вышел из исполкома с разрешением на открытие кооператива и всеми оформленными документами. Перепрыгивая через лужи, он

забежал в гастроном, где купил бутылку шампанского. Заглянул Лех и в бар с гордым названием «Полонез». Там за сто рублей (при государственной цене семнадцать) была приобретена бутылка «Белой лошади». Насвистывая, новоявленный «капиталист» вошел в свою квартиру в старинном доме, видевших и крестоносцев, и шведских завоевателей, и Петра Великого.

– Поздравь меня, Аринушка! – обратился Лех к жене – голубоглазой красавице, некогда его сокурснице по институту.

– Поздравляю, любимый! – поцеловала его в щеку жена. – А у нас гость!

В командировку из столицы приехал Влад, двоюродный брат Леха. Влад был единственным из леховой родни, с которым тот не порвал связи. Влад работал в министерстве, где достиг довольно крупного поста. С Лехом он встречался не часто: когда кто-то из братьев либо оказывался в Р..., либо приезжал в столицу. Тогда жены готовили свои лучшие блюда, а из холодильников и баров доставались лучшие продукты и напитки. И до глубокой ночи между братьями текла беседа.

Вот и сейчас Ариша достала заливной телячий язык, приготовила салат из кальмаров, потушила шампиньоны в сметане. На столе появилась осетрина горячего копчения, финский сервелат. Влад достал из кейса банки с черной икрой и крабами, дорогой грузинский коньяк. Как бывало, потек неторопливый разговор. Лех, окрыленный своими идеями,

выложил их брату. Леха радовало, что теперь не надо идти на мелочный обман клиентов, подавая им объедки и обсчитывая их.

– Теперь, наряду с деньгами, все будут решать твой ум, твоя оперативность, предприимчивость, разворотливость. Теперь не надо будет кланяться сильным мира сего. Их можно будет покупать, как я купил Яшку. Ты посмотри, Влад, какое поле деятельности! Денег у людей много, а товара нет. Мы развернем швейное производство. Будем производить все, что пользуется спросом. Нужны куртки? Пожалуйста – куртки! Нужны джинсы? Пожалуйста – джинсы. Упал спрос – выпускаем другие изделия. Пока налаживаем свое производство, откроем магазин. Будем покупать продукцию у индивидуальных и продавать ее там. Откроем магазин и в столице. «Товары из Р... – самого высокого качества!» Как тебе эта реклама? Бросай свое министерство, иди директором магазина! Зарплату две тысячи в месяц я тебе гарантирую. Подкопим денег, начнем покупать отходы деревообрабатывающих заводов, цветной металлургии, нефтехимии. Будем сбывать их за границу за доллары. Будет валюта – все двери будут для нас открыты.

– Гладко ты, брат, рассказываешь. А представляешь ли ты проблемы, которые встанут перед тобой?

– Какие проблемы? Иди, работай – вот и вся проблема!

– Ошибаешься. Есть, например, проблема рэкета...

– Видали мы и этот рэкет! Подкинем Яшке «капусты». Он

переговорит с кем надо в милиции, и рэкетиров как ведром сдует.

– Знаешь ли, Лех... Ты можешь вызвать милицию или откупиться от рэкетирских банд. Но ты никогда не откупишься от государства. А это – самый страшный рэкетир. Сколько бы ты не давал, все будет мало. С каждым годом оно будет урезать твои права, все туже затягивать на твоей шее налоговую петлю. Когда же решит, что ты достаточно богат, все отнимет.

– Как так, все отнимет?

– Так же как отняло все полвека назад у нэпманов и кулаков. Предприятия – государству, землю – колхозам, а самих хозяев – в лагеря.

– Тогда была другая эпоха! Тогда у власти стоял Сталин!

– Да пойми же ты! Кто бы не был у власти, он не в силах повлиять на законы общественного развития, действующие независимо от людей. Мудрый политик постигает механику их действия и в соответствии с ней осуществляет руководство страной. Это тебе немного марксизма.

– В каком же строе, по-твоему, мы живем?

– В феодальном. Не удивляйся, но семнадцатый год отбросил наше страну в феодализм. У нас налицо все пять марксовых признаков феодализма.

– Что же это за признаки? Объясни. Я ведь в отличие от тебя университетов не кончал. Нам в политехническом, когда преподавали общественные науки, рассказывали, что

в семнадцатом году дедушка Ленин совершил социалистическую революцию, и всем стало хорошо. А в такие тонкости, как ты говоришь, не углублялись.

– Хорошо. Еще немного марксизма. По Марксу феодализм характеризуется следующими признаками. Первый – средства производства принадлежат классу феодалов. У нас в этой роли выступает государство. Все принадлежит ему. Рядовой гражданин не имеет даже своего жилья. Он живет на государственной жилплощади. Даже если он построил собственный дом в деревне или пригороде, его всегда могут снести, когда это потребует государство для строительства на этом месте, например, завода. Ты имеешь право только на тряпки, обувь...

– Но у меня машина, яхта. Катер!

– Правильно. Но ты ежегодно платишь за них налоги. Кроме того, раз в полгода ты с машиной обязан отдежурить в милиции. Раз в год с яхтой или катером ты тоже поступаешь в распоряжение милиции. Разве это не феодальные повинности? А сколько раз ты действительно нес на своем транспорте охрану общественного порядка?

– Да нисколько! На катере возил ментов с компаниями на пикники, на острова. А на машине возил их жен по магазинам или на рынок. В лучшем случае развозил мильтонов по домам после дежурства.

– Кроме того, в случае войны или других экстраординарных обстоятельств весь личный транспорт подлежит переда-

че государству без каких-либо компенсаций... Второй признак заключается в том, что собственник наделяет работника средствами производства. Официально заводы, фабрики, земля, транспорт и тому подобное принадлежит народу. А много ли видит от этого народ? Только право много работать. Когда же начинается распределение созданных им благ, он не получает ничего. В этом заключается третий признак феодализма. Феодал (государство) отдает производителю (народу) ровно столько, чтобы он мог поддерживать свое существование, работал как можно дольше и воспроизводил себе подобных. В этом отличие феодализма от рабовладения. Рабовладельцу было наплевать на работоспособность раба. Когда раб умирал от непосильного труда и плохой пищи, его хозяин покупал себе нового. Феодал же заинтересован, чтобы крепостной пожил подольше и отдал побольше. Для этого ему надо дать и одежду, и пищу, и жилище. Но все это – жалкие крохи. Восемьдесят процентов населения нашей страны живет в нищете, за так называемой чертой бедности. Все остальное идет феодалу – государственному и партийному аппарату. Он получает большую часть того, что создано обществом. Утопая в роскоши, он содержит армию и мощный аппарат подавления (на случай, если народ взбунтуется), огромную армию чиновников для управления страной и наиболее полного выжимания соков из народа, сонм лакеев и челяди, в том числе от литературы и искусства. Если раньше феодалы вели между собой

войны, чтобы урвать побольше, то теперь этого не надо делать. Каждый получает ровно столько, сколько ему определено в соответствии с положением на иерархической лестнице. Следующий признак – личная зависимость работника от феодала. Подобно средневековым крестьянам, привязанным к земле, мы привязаны к нашей стране. Ты можешь жить только здесь. Ты не имеешь права свободно выехать за границу для лечения, учебы, просто попутешествовать. Мало того, ты и внутри страны не можешь жить там, где хочешь. И наконец, последний признак – рутинное состояние науки и техники. Наша наука давно уже не способна идти в ногу с наукой капиталистических стран. На их уровне находятся только разработки в военной области. А имея отсталую науку, мы имеем и отсталую технику. На предприятиях нашего министерства девяносто процентов продукции вырабатывается на американском, японском, французском оборудовании. И это не вчерашний, это – позавчерашний день мировой техники. Нам сбывают старье! При этом с каждым днем все сильнее затягивают петлю, все сильнее взвинчивают цены.

– А разве нельзя купить новинки в странах социалистического лагеря?

– Там давно уже нет новинок. Лучшие мозги или высушены, или выброшены. На протяжении многих лет мы им продаем свои неликвиды, а они нам – свои.

– Ну, хорошо, – прервал Влада Лех. – А как же с передачей

земли крестьянам после Октябрьской революции, введением частного предпринимательства в двадцатые годы?

– Разрушив Римскую империю, германцы дали свободу рабам, тут же превратив их в крепостных крестьян. У нас же в стране землю у крестьян отобрали в начале тридцатых годов. А самих их, загнав в колхозы, превратили в крепостных. Рабочие были «закреплены» раньше, в восемнадцатом году в результате национализации промышленности. Что же касается частных предпринимателей – нэпманов, они просуществовали десяток лет, став потом в большинстве своем рабами в сталинских концлагерях.

– Что же происходит в стране сейчас? Почему вновь вводится частное предпринимательство?

– Сейчас руководство страны поняло, что в недрах феодализма развивается капитализм. Если дать ему развиваться стихийно, неминуемо произойдет революция. Контролируя, и по мере необходимости сдерживая развитие капитализма, можно длительное время удерживаться у власти. Можно постепенно трансформировать экономику феодальную в экономику капиталистическую, сохранив феодальный способ присвоения созданных материальных благ и феодальные методы правления. Перестройка – это использование в экономике капиталистических форм ведения хозяйства. В политике это – перераспределение власти от наиболее реакционных, фашиствующих элементов к умеренному крылу партийного аппарата. В идеологии это – большая тер-

пимость по отношению к взглядам и воззрениям, отличающимся от коммунистических. Но, подчеркиваю еще раз, все это направлено на поддержание господства партийного аппарата – класса феодалов. Ты же находишься сейчас в положение доминирующего капиталиста, которого феодал терпит, поскольку тот его кормит. Захочет феодал – увеличит поборы, захочет – совсем все отнимет. Поэтому на Яшку не уповай. Он – человек системы и берет он столько и до тех пор, пока ему это разрешает делать система. Сочтет система нужным, даст вам более льготные условия, чем сейчас. Сочтет нужным, выбросит вообще, предварительно обобрав до нитки. Нет, брат, не пойду я к тебе директором магазина.

Глава 2

В хлопотах по обустройству кооператива, покупке необходимого оборудования, ремонте помещений пролетел для Леха остаток зимы. Весной получили первую прибыль. Слава о кооперативе быстро облетела Р... Стали приезжать сюда для заключения крупных сделок люди со всех концов страны. Кооператив быстро завоевал репутацию надежного делового партнера, поставляющего товары высокого качества и по низким ценам. В июне его прибыль достигла миллиона рублей. Завязались торговые отношения и с иностранцами. Лех гордо разъезжал на «Альфа-Ромео», свысока поглядывая на менее удачливых коллег. Красовались и ребята. Все они купили «мерседесы» и «вольво». По поводу и без повода начали ездить в самые дорогие рестораны, возбуждая зависть окружающих. Вокруг компании вились дорогие путаны. Пытались подсаживаться за столики и карточные шулеры, но тех гнали в шею.

Пару раз побывал на этих «мероприятиях» и Влад, приехавший по лету в командировку.

– Что же вы делаете? Вы сами даете рэкетирам ваш адрес, – сказал он Леху.

– Э, брат, я не для того вкалываю по двенадцать часов в день, что бы отказывать себе в удовольствиях, – ответил тот.

– Не об удовольствиях речь! Беда в том, что вы выпячиваете свое богатство. Хвалитесь, что у вас есть лишние деньги...

– Пусть посмотрят, как живу я – сирота, сам вышедший в люди, сам всего добившийся. Пусть посмотрят эти профессорские сынки, которым с первого курса была открыта дорога в аспирантуру, смотревшие на меня с презрением, чего я достиг. Пусть позеленеют от зависти со своими диссертациями! Я за час зарабатываю больше, чем они за месяц!

– Ты думаешь, они будут к тебе лучше относиться? Нет! Зависть никогда не питала человека добрыми чувствами. Возбуждая зависть в окружающих, возбуждаешь и ненависть к себе, к твоему успеху.

– Пусть ненавидят, лишь бы жить не мешали!

Попробовал Влад поговорить с Аришей. Та ответила, что если муж и раньше был неуправляемым, то теперь в него словно бес вселился.

– Это не только с ним творится. – продолжила Ариша. – Все ребята такими стали. Постоянная пьянка, все гуляют от жен. Хорошо, что наши еще не играют в карты. Есть случаи, когда за ночи проигрываются состояния, магазины, кооперативы. И это у нас, в Р...! Какой только швали сюда не наехало. Я очень боюсь за Леха. Бог с ним, пусть погуливает, лишь бы СПИДа или какой другой гадости в дом не принес! Что делают с людьми деньги?! У меня нехорошие предчувствия, Влад...

Гром грянул через пару недель. Лех отправил жену в туристическую поездку в Венгрию. Уже на следующий день он почувствовал, что за ним следят. От кравшейся за ним слежки Лех не мог отделаться нигде: ни на улице, ни на работе, ни в компании друзей.

В тот вечер допоздна сидели в ресторане. К удивлению кооператоров ни одна путана не подседа к ним за столик. Не смотря на обилие выпивки, изысканность блюд и исключительно мужское общество, потаскушки стороной обходили компанию. Тоскливо глядя по сторонам, парни накачивались виски. Первым набрался недавно принятый грузчик Римас. Он и пригласил Леха с приятелями в ресторан отметить первую получку. Нетвердыми шагами грузчик направился к сидевшим в уголке двум шлюшонкам с обесцвеченными перекисью волосами. Не прошло и трех минут, как раздался визг:

– Иди отсюда! Говорят тебе, что мы сегодня выходные! Мы тебе сами заплатим – только отстань!

– Ах, йохайды! Вы еще выкаблучивать будете?! Сейчас я вас отремонтирую! – возмущенно гудел Римас.

– Это – не Римас, а Ремонтас, – пошутил Лех. – Парни, заберите его оттуда.

Валнис направился в угол, где разгорался скандал. Когда он подошел к Римасу, поднялся парень в черной кожаной куртке и ударил сзади Валниса по уху. Валнис покачнулся и обернулся к парню. Удар ногой опрокинул его на стол,

за которым сидели путаны. Лех с ребятами бросился на помощь. Человек восемь парней в кожаных куртках «летучая мышь» преградили им дорогу. «И откуда вы взялись?» – удивился заслуженный мастер спорта по самбо Эдик, швыряя через себя долговязого детину. Рядом Эдгар приемом кунгфу выбил из руки парнишки, крашенного в блондина, свинцовый стержень. Ударом тэ-квандо свалил на пол здорового верзилу Саша Зайцев. Краем глаза Лех заметил, как Валнис и напавший на него парень лупят друг друга, используя приемы карате. За спиной у Леха застрекотали милицеские свистки. На него навалились сзади и заломили руки за спину. Трое милиционеров повисли на Эдике. Менты, заполнившие зал, стали хватать и других ребят. Пока разбирались с кооператорами, нападавшие скрылись. Скрылись и путаны, исчез Римас. Леха с друзьями затолкали в «воронки» (их оказалось целых три), милиционеры сели в автобус.

В милиции дежурный капитан удивился, что не задержан никто из нападавших.

– Ресторану нанесен ущерб на сумму три тысячи рублей, включая ваш счет, то что не оплатили девки и те, с кем вы из-за этих девок подрались. Надо оплатить! – сказал капитан.

– Почему мы должны платить?! – взорвался Лех. – Напали на нас. Вы не потрудились задержать этих хулиганов и еще требуете, чтобы мы за них платили!

– А вы идите отсюда! – злобно посмотрел на него капитан. – Вы не дрались, к вам претензий нет. Будут вопросы –

вызовем вас завтра как свидетеля.

– Иди, Лех, иди! – загалдели ребята. Ты здесь не при чем. Мы сами разберемся!

Лех хотел им возразить, но капитан дал знак милиционерам. Двое прыщавых сержантов подхватили Леха под руки и, дав пару раз под ребра, вышвырнули из милиции.

– Мотай отсюда, кооператор хренов! Вали, сволочь, пока не посадили! – рявкнули они на Леха.

Войдя в квартиру, Лех полез в холодильник. Плеснул полстакана «Белой лошади». В это время зазвонил телефон. «Лех, ты один?» – проворковал женский голос, в котором было что-то о знакомое. В то же время Лех так и не понял, кому принадлежит голос.

– Я здесь, на Красногвардейской, – продолжал ворковать голос. – Через минуту буду у тебя.

– У меня жена дома...

– Ах ты, проказник! Жена у тебя в Венгрии. Греет животик на озере Балатон. Давно хотела навестить тебя в отсутствие Ариши. Я дам два звонка: один длинный и один короткий. До скорой встречи!

Лех осушил содержимое стакана. «Да, неплохо бы развеяться после сегодняшних злоключений», – подумал он. В эту минуту раздались два звонка, длинный и короткий. Лех открыл дверь. Что-то с шипением брызнуло ему в лицо. Острая жгущая боль пронзила глаза, рот. Нос. Стало нечем дышать. Лех судорожно открыл рот, пытаясь заглотить воздух. Чей-

то кулак обрушился на его висок.

Очнулся Лех на берегу озера. Над ним склонился парень, напавший в ресторане на Валнису.

– Очухался, падла? – спросил он. – Ну, давай – рассказывай, где у тебя деньжата припрятаны.

Вокруг Леха стояли все восемь нападавших. У крашеного парнишки рука была на перевязи. У пары других рэкетиров темнели синяки под глазами. Лех чувствовал. Что его руки где-то за спиной, они затекли и ноют. Он попробовал изменить их положение, но боль пронзила суставы. Лех застонал.

– Ручонками не дергай! В наручниках они. Колись, сука, где бабки? – парень ударил Леха ногой по печени.

Лех со стоном сжался в комок. Его стали бить ногами: по ребрам, по животу, по рукам, по лицу. Вдруг перестал чувствовать боль. Перед его глазами поплыли красные круги, затем темная пелена покрыла его сознание. Очнулся Лех из-за того, что на него лили воду.

– Дозрел до разговора с Директором. Поднимай! – велел предводитель нападавших.

Леха взяли за волосы, поставили на ноги. Предводитель, которого называли Матолей, ударил Леха в солнечное сплетение. Согнувшегося от боли кооператора потащили к даче, стоявшей в окружавшем озеро бору. Заволокли в комнату, где пили коньяку двое мужчин. Один из них был огромного роста, с обезьяним лицом, черной шерстью, выбивавшейся из ворота темно-синей сорочки. Второй маленький сухень-

кий, в модном сером костюме, голубой рубашке и ярко-красном галстуке развалился на диване, забросив на стоявшее рядом кресло в светло-коричневых итальянских мокасынах. Это и был Директор.

– Ну как, Лех, созрел для беседы со мной? Где денежки? – спросил он.

– Какие деньги? – застонал Лех, но удар сидевшего рядом с Директором громилы отбросил его к противоположной стенке.

Лех выплюнул пару зубов. Его поставили на колени погнавшими пинками к Директору.

– Я, Лёшенька, тебя пока только спрашиваю, а не допрашиваю. Извини, буду тебя называть по-русски, Лёшенькой. Знаем мы, что есть у тебя сорок тысяч. Отдай по-хорошему! Сегодня ребята отдохнут. У них был тяжелый день. А завтра начнут допрашивать. Времени у нас много. Дача снята на год. Выползать мы далеко не можем, поскольку нас в трех республиках ищут. Так что. Никуда ты от нас не денешься: выложишь сорок штук. В твоих интересах сделать это быстро, и не мучаясь.

– Зачем вам сорок штук? Не много ли? – попытался храбриться Лех.

В ответ последовал удар мокасином в лоб.

– А у меня, Лёшенька, расходы большие, – Директор закурил американскую сигарету «Кэмел». – Ребятам надо платить. Тем, кто на тебя нас навел надо платить. Вот Цыпле-

ночка нашего вы в ресторане покалечили, ручку ему сломали. Врачам за лечение платить надо. И ему больничный платить надо. За хоромы эти платить надо... Ментам, которые твоих корешей в кабаке повязали, знаешь, сколько пришлось отстегнуть? Трат хватает, а времени, еще раз говорю, у меня много. Подождем. Пока Ариша твоя из краев вернется, и ее на эту дачку привезем. Что мы с ней сделаем, сейчас тебе покажем. Здесь у нас Марта, директриса художественного салона, сидит. Хоть она на сто штук подписалась, и ее домой отправлять надо, но покажем, что с твоей Аришей будет. Давайте сюда Марту!

Привели Марту. Трудно было узнать в этом сломленном существе со сплошным кровоподтеком вместо лица, разбитыми губами, разорванными мочками ушей, обвисшими в синяках грудями, вздувшимся животом с треугольными ожогами от утюга, гноящимися ранами на спине и ягодицах прежнюю Марту – сорокалетнюю красавицу-блондинку, властную, наглую и циничную.

– Какие красивые ушки пришлось порвать! – глумился Директор. – А что делать? В каждом было по «Волге».

– Ребята! Я ведь заплатила! Что вы еще хотите? – засипела Марта изуродованным ртом.

На полу, на газетах уже лежал Матоля. Марту поставили над ним на колени, и он ввел в женщину свой член. Затем Матоля схватил женщину за волосы, потянул на себя. На повалившуюся Марту сзади набросился горилообразный му-

жик.

– Ай, не надо! Ай, больно! А-а-а! – хрипло кричала Марта.

Лех содрогнулся от мысли, что это сделают и с его Аришей.

– Да она кончает! – услышал он голос Директора. – Подпалите ее!

Над Мартой склонился Цыпленочек. Он сунул ей подмышку зажженную свечу. Раздался треск горящих волос. Марта с визгом изогнулась и потеряла сознание. Сразу же кончили насилловавшие ее бандиты.

– Девочку одеть и доставить домой! – приказал Директор. – Бабки пусть отдаст немедленно! Надумал что-нибудь, Лёшенька?

– Братцы! У меня вся наличность в карманах, а деньги вложены в дело. Мне их надо взять в банке, чтобы с вами расплатиться, – взмолился Лех.

– Это – уже деловой разговор, – ухмыльнулся Директор. – Посиди пока у меня в баньке со своим коллегой-кооператором. Посмотри, как он мучается из-за каких-то жалких десяти штук. А я пока подумаю, как быть с тобой.

Леха толчками загнали в баню. Там раскачивался повешенный за ухо человек. Один из приведших Леха взял полено и ударил человека по коленкам. Тот вскрикнул, по его ногам потекла кровь.

– Висишь, паскуда? – спросил рэкетир и погасил о живот

человека сигарету.

Пленников заперли в бане.

– Извините, ничем помочь не могу. Руки связаны, а подняться нет сил, – сказал брошенный на пол Лех.

– Не надо! – прохрипел кооператор. – Если увидят, что ты мне помог, будут еще сильнее нас мучать.

– Стоит ли вам принимать такие страдания? Я слышал, что у вас всего десять тысяч...

– Я эти десять тысяч всю жизнь собирал. Машину хотел купить. Инженером на заводе работал. Когда кооперативы открыли, решил вложить деньги. Думал: еще год-другой помыкаюсь, а там заживу. Ни в чем себе, а главное – внукам отказывать не буду. Они у меня – еще крохи, в детский садик ходят... Да мне много и не надо. Внукам бы помочь! Дети-то мои тоже на заводе инженерами работают. А у молодежи какая зарплата? Гроши! Да и сам-то я всего два раза и получил приличную зарплату. Всю жизнь себя с женой и детьми во всем ограничивал, чтобы денег подкопить. А теперь – отдай! Ничего я этим подонкам не отдам!

Зазвенели ключи в замке. Пришли за Лехом.

– Вот, что я надумал, – сказал ему Директор. – Сейчас мы отвезем тебя домой. Нам тобой заниматься некогда. Надо присмотреть за теми, что с Мартой поехали. Как бы они с сотней штук не удрали. А ты завтра к полудню привози сорок косых в сквер у планетария. Матоля тебя там встретит. Да смотри, без глупостей. А то не только тебя – всю твою

родню замочим. Умрете в страшных мучениях!

Леху завязали глаза и посадили в машину. Через полчаса были в городе. С Леха сняли наручники и вытолкнули его из машины.

– Не приведи ментов, пидор! Мы шутить не любим! – предупредил Матоля, швырнув Леху в лицо ключи от квартиры.

Дома Лех снова выпил полстакана виски. Зазвонил телефон. Лех с опаской поднял трубку.

– Лех! Куда ты пропал? Мы тебя весь вечер искали, – забасил в трубку Эдик. – Представляешь? Эти легавые суки с ножом к горлу пристали: платите, говорят, за тех подонков, что с вами траку устроили. Хорошо я догадался попроситься в сортир. Сунул менту десятку, и он разрешил мне позвонить из пустого кабинета. Ну, я позвонил Веню – моему другу по юридическому институту. Он теперь большой бугор – замначальника городского отдела по борьбе с бандитизмом. Веня перезвонил дежурному. Сказал ему пару ласковых, и нас тут же отпустили. А ты куда пропал? Небось, к какой-нибудь барменше завалился?

– Мне очень плохо, Эдик. Приезжай, пожалуйста, сейчас. И Веню возьми.

Вскоре Эдик и Веня были у Леха. Тот поведал им свои заключения. Леха отвезли в отдел судебно-медицинской экспертизы. Там установили, что у Леха сломаны два ребра, выбиты два зуба, травмированы печень и почки. Одновременно эксперты обнаружили сотрясение мозга и послед-

ствия отравления слезоточивым газом иностранного производства.

– И где только берут, сволочи? – ругнулся Веня. – Каждое пятое разбойное нападение происходит с применением слезоточивого газа.

– Где берут? Где берут? Покупают! – хохотнул Эдик. – А привозят газ морячки из загранки. Двести рублей такой баллончик стоит, – пояснил Эдик.

– Как хоть эта гадость выглядит? – спросил Веня.

– Внешне похожа на дезодорант или лак для волос в аэрозольной упаковке. Легко уместается и в кармане пиджака, и в дамской сумочке. Свалить же таким баллончиком можно человек десять. Да что я рассказываю? Сам по случаю на днях японский купил, – Эдик вытащил из кармана черный баллончик, расписанный черно-белыми иероглифами.

– Отдай! – попросил Лех. – Он мне нужнее!

Покурили, выпили кофе, пока составляли протокол и акт судебно-медицинской экспертизы. Веня принял решение о задержании рэкетиров. Леху выдали под расписку сорок тысяч фальшивых рублей. Номера купюр были переписаны заранее. На бумаге с ними Лех поставил свою подпись.

Не успел Лех войти в квартиру, как зазвонил телефон.

– Ты где шляешься, падла? Мы тебе от Марты звонили, – узнал Лех голос Матоли.

– Блевал! Вы мне, наверное, сотрясение мозга сделали...

– Смотри, не накопи нас завтра, а то мы этот блевантин

в тебя назад затолкаем, – Матоля бросил трубку.

В полдень Лех сидел на скамейке у планетария. Рядом лежал кейс с фальшивыми червонцами в банковской упаковке. Лех всматривался в площадку для стоянки автомобилей. «Где же они припаркуются? Почему не видно ни вениных людей, ни его самого?» – начал волноваться он. Площадка тем временем заполнялась машинами. Наконец, остались только два места для парковки рядом с киоском. На одно из них встал темно-зеленый «жигуль», из которого вылез Матоля. Лех взял в руки кейс. Это был сигнал для вениных подчиненных. Тотчас рядом с «жигулем» припарковался микроавтобус. Из него выпрыгнули трое рабочих в ярких комбинезонах начали выгружать тяжелые ящики. Один из подручных Матоли вылез из машины и начал препираться с рабочими. Те, судя по жестам, отвечали, что они всегда останавливаются здесь, когда выгружают товар для киоска. Матоля сел рядом с Лехом. Тот молча протянул кейс. Рэкетир откинул крышку чемоданчика и, закрывая его содержимое от взглядов прохожих, стал что-то соображать, шевеля губами.

– Ты, что не знаешь, как посчитать? – удивился Лех. – В каждой пачке сто десяток, всего тысяча рублей. В кейсе сорок пачек. Итого – сорок тысяч.

– Заткнись! – оборвал его бандит.

Он пересчитал пачки. Затем грязными руками с пожелтевшими от никотина ногтями начал надрывать их, прове-

ря не подсунута ли вместо денег бумага. Закончив проверку, рэкетир приказал:

– Сидеть здесь, пока мы не скроемся из вида!

Он вразвалочку направился к машине, Там продолжались препирания его соучастника с рабочими. Поравнявшись с ними, Матоля повернулся к рабочим, желая что-то сказать. В этот момент работяги, державшие с двух концов ящик, резко ударили им Матолю в солнечное сплетение. Матоля переломился пополам. Рабочие с размаху опустили ящики ему на спину и тут же швырнули ящик в лицо препиравшемуся с ними рэкетире, вбив его в машину. Третий рабочий, оказавшийся перед лобовым стеклом автомобиля, бросил в него свой ящик, пригвоздив шофера к сиденью. Из «москвича», стоявшего рядом с машиной рэкетиров высунулась рука с баллоном защитного цвета. В открытое боковое окно «жигулей» потянулась струя из баллона. Задержались в машине бандиты. Было видно. Что им худо.

– Ну, вот и все! – из-за кустарника, находившегося за спиной Леха, вынырнул Веня. – Как видишь, мы тоже кое-что умеем. Я для этого случая даже у ребят из спецназа достал слезоточивый газ. Наш, отечественный, «Черемуха-5» называется. По-моему. Не хуже японского.

Истекавших слезами и задыхавшихся рэкетиров заталкивали в микроавтобус, где на них надевали наручники и обыскивали. Подняли с асфальта успевшего очухаться и уже закованного Матолю.

– Ну, гнида, кранты тебе! – оскалился он на Леха. – Директор не простит. Он тебя со дна морского достанет!

Приемом карате Лех припечатал ногой Матоле по зубам, свалил его.

– Вот это – зря! – пробормотал Веня.

– Это вам дорого будет стоить, менты поганые! – завопил Матоля. – Требую судебно-медицинскую экспертизу!

– Сейчас я тебе сделаю экспертизу, – усмехнулся Веня и брызнул в рожу Матоли «Черемухой-5».

Тот, хватая ртом воздух, закрутился по асфальту. Когда газ над рэкетиром рассеялся, его подняли и, стукнув по позвоночнику, затолкали в автобус.

– Это нашли при нем, – «рабочий» протянул Вене вальтер.

– Немедленно на баллистическую экспертизу! Вальтер такого калибра проходит по нескольким убийствам в Р... и сопредельных республиках, – мельком глянул Веня на оружие и кивнул Леху. – Садись в «москвич»! Сегодня весь день проведешь с нами: формальности и допросы этих стервятников. Ты нам нужен!

В городском управлении внутренних дел, сером помпезном здании Матоля начал капризничать, отказавшись от снятия отпечатков пальцев. Однако это длилось до тех пор, пока Веня не пригрозил ему «Черемухой-5». Сняли отпечатки пальцев и сфотографировали других бандитов. Матолю ввели в кабинет.

– Назовите фамилию, имя, отчество, год месяц и число

рождения, место рождения, национальность. Объясните, что вы делали в сквере у планетария, и при каких обстоятельствах оказались там, – начал Веня.

– Я, Мотовилов Анатолий Петрович, родился четвертого апреля тысяча девятьсот шестидесятого года в городе Херсоне. В настоящее время проживаю в городе Уренгое. В Р... прибыл в служебную командировку от кооператива «Северное сияние».

– Эти показания соответствуют данным обнаруженного при вас паспорта и командировочного удостоверения. Сейчас мы ведем проверку этих документов, – испытующе посмотрел на него Веня. – Продолжайте!

– В Р... имел задание от руководства своего кооператива получить долг с вот этого, – Матоля пренебрежительно взглянул на Леха. – Когда он был у нас в Уренгое в командировке, на что-то брал у ребят. Ну а вместо того, чтобы честно рассчитаться, вас на меня натравил.

Веня зачитал показания Леха и акт судебно-медицинской экспертизы.

– Показания – тупфта, оговор, чернуха! Травмы этот хмырь получил, когда пьяный где-то валялся, а теперь нам все лепит, – заявил Матоля, когда закончилось чтение документов.

– Как вы объясните, что у вас было найдено огнестрельное оружие? Огнестрельное и холодное оружие изъято и у людей, находившихся с вами в машине.

– Что вы нашли у этих парней – их проблемы! У них на-

шли – их и спрашивайте! Я держу оружие для самообороны. Рэкетов развелось! А вы вместо них нас – честных людей хватаете!

В кабинет вошел милиционер и положил перед Веней папку с документами. Под матолины разглагольствования о разгуле бандитизма, падении нравов и полном бессилии милиции Веня просмотрел документы.

– Ваша личность установлена, – прервал он Матолу. – Вы – не Мотовилов Анатолий Петрович, а Матолин Анатолий Николаевич, тысяча девятьсот шестидесятого года рождения, уроженец города Ленинграда. В тысяча девятьсот семьдесят шестом, семьдесят седьмом годах неоднократно привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство. В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году были осуждены на три года лишения свободы за злостное хулиганство. После освобождения из мест лишения свободы в тысяча девятьсот восемьдесят первом году вы вступили в преступную группу Черняева, занимавшуюся разбойными нападениями. В тысяча девятьсот восемьдесят втором году вы были приговорены к двенадцати годам лишения свободы за бандитизм. Бежали из колонии усиленного режима в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году. С этого времени находитесь во всесоюзном розыске. Подозреваетесь в убийствах, грабежах, вымогательстве, совершенных группой лиц по предварительному сговору на территории Молдавской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных рес-

публик, а также в городе Ленинграде. Что касается Мотовилова Анатолия Петровича, документами которого вы воспользовались, то он находится во всесоюзном розыске как без вести пропавший.

– Я устал, начальник! Больше сегодня разговаривать не буду! – злобно посмотрел Матюля на Веню.

– Хорошо, – ответил тот. – Сейчас вас уведут на идентификацию личности, а потому подумайте! Завтра встретимся снова.

– Да, Лех, в «хорошую компанию» ты попал, – сказал Веня, когда увели Матюлю. – Тот, что сидел за рулем, Круминыш Илмар Оскарович, пятидесятого года рождения, уроженец Елгавы. Неоднократно судим за грабежи, злостное хулиганство, угон автомобилей. Двое других – молодые, но ранние: у обоих по две судимости за бандитизм. Вся компания находится в розыске.

– Оставшиеся еще страшнее, их надо обезвредить как можно скорее, – Лех умоляюще посмотрел на Веню.

– Где я их буду искать? Эти, которых мы взяли, сообщников никогда не выдадут. Они знают, что за предательство в преступном мире наказание одно – смерть. Дорогу на дачу ты не знаешь...

– Как я ее могу знать, когда меня туда привезли без сознания, оттуда с завязанными глазами!

– Вот видишь! Таких озер в окрестностях Р... несколько десятков, и на берегу каждого из них дачи. Вертолеты я

поднять не могу, да это и не даст эффекта. Отправить своих сотрудников рыскать вокруг озер я тоже не могу. В городе ежедневно совершаются два убийства, столько же налетов на кооперативы, не менее шести уличных ограблений. Через день нападают на инкассаторов, предприятия торговли. У меня ребята ведут по три-четыре дела одновременно. Меня не поймут подчиненные, если я сорву их с работы для поисков этого говноеда-кооператора, который с десятью штуками расстаться не может.

– Марта! Может быть, она хоть что-то знает? Может быть, она хоть часть дороги запомнила?

– Были мы у Марты. Отказалась она с нами разговаривать. Говорит, на даче упала и точка!

– А судебно-медицинская экспертиза? Ведь на ней ожоги, раны...

– По закону мы не имеем права тащить на экспертизу человека без его согласия. А такого согласия Марта не даст. Вместе с ней пропал ее близкий друг Волдодечка – альфонс, который по возрасту Марте в сыновья годится. Думаю, что его тоже захватили люди Директора. Если это так, Марта делает все, чтобы его выкупить. Выкупить, а не освободить.

– Может быть, мне с ней поговорить?

– Попробуй, но думаю, что и ты с ней не договоришься.

– Что будет с бандой?

– Будем раскручивать этих. Они, конечно, возьмут все на себя. И то дело! Изолируем от общества особо опасных

преступников. А оставшиеся, скорее всего, уйдут из Р... Сто кусков от Марты у них есть. Рванут куда-нибудь на юга, в Сочи или Крым отдохнуть. Где-нибудь по дороге засыпятся. Наверняка, все в розыске!

– А что будет с кооператором?

– Не знаю. Он теперь им не нужен. Видимо, убьют.

– Ты так спокойно об этом говоришь...

– Когда видишь, как минимум, по паре трупов в день, ко всему привыкаешь.

– Как вы можете меня защитить?

– А мы тебя уже защитили: арестовали четырех особо опасных преступников. Охрану к тебе приставить я не могу. Пока могу помочь только советами. Во-первых, не ночевать дома. Во-вторых, Аришу ни в коем случае в Р... не допускать. В третьих, поскольку ты живешь на первом этаже, немедленно поставь на окна решетки и установи стальные двери. Вот, адрес кооператива, производящего эти работы. В-четвертых, найми телохранителей. Есть у меня на примете пара ребят-афганцев. Были десанниками. Владеют в совершенстве всеми приемами рукопашного боя. На войне навидались всякого. По медали «За отвагу» имеют. Возьми их в штат кооператива. И нам доброе дело сделаешь. Мыкаются они после армии, не знают, куда себя приткнуть. Как бы тоже на путь бандитизма не встали. Вот, их адреса и телефоны. Ну а что квартиру надо поставить на сигнализацию в милиции, ты без меня знаешь.

Глава 3

Ночь Лех провел на квартире у Эдика. Утром позвонила соседка. Она сказала, что под утро вокруг леховой квартиры рыскали какие-то страшные люди. Заглядывали в окна, светили в них фонариком, пробовали дверь. Потом один из них, огромный, похожий на гориллу, принес валун с площадки у реставрируемого дома и швырнул в окно. Соседка сообщила, что не только разбиты вдребезги стекла, но и пополам сломана оконная рама. Лех с ребятами примчался домой. Там уже была милиция. Валун весом около сорока килограмм лежал посреди комнаты. Неподалеку от него валялась записка – испачканная калом бумажка с надписью печатными буквами: «Привет от Директора». В тот же день Лех при помощи рекомендованного Веней кооператива установил на окнах чугунные решетки и двойные двери из листовой стали. Нанял он и телохранителей – крепких молодых ребят, изрядно потрепанных афганской войной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.